Karin Alvtegen

FJÄRILSEFFEKTEN

Brombergs

Э Ф Ф Е К Т Б А Б О Ч К И

«Малейшее воздействие на любой элемент системы может в перспективе иметь далеко идущие и непредсказуемые последствия для других ее элементов».

В КРУПНОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ КАТАСТРОФЕ ПОГИБЛИ ЛЮДИ

СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ: По меньшей мере 11 человек погибли при столкновении поезда дальнего следования с автомобилем на подъезде к станции Русерсберг. По имеющимся сведениям, на месте катастрофы царит хаос, руководители спасательной операции полагают, что под сошедшими с рельсов вагонами все еще могут находиться погибшие и раненые. Свыше 50 человек госпитализированы, многие — в тяжелом состоянии. Поезд со 180 пассажирами отправился с Центрального вокзала Стокгольма в Евле в 17.40. Катастрофа произошла на железнодорожном переезде, оборудованном автоматическими шлагбаумами и сигнальными фонарями, работавшими, по словам спасателей, во время происшествия в штатном режиме. По неизвестной причине автомобиль протаранил один из вагонов, который, сойдя с рельсов, потянул за собой другие. Водитель автомобиля скончался на месте.

П Я Т Ь Ю М Е С Я Ц А М И Р А Н Е Е

БУДИЛЬ

Незнакомый звук.

Так я теперь просыпаюсь по утрам. У всех домов свои особенности, но за четыре дня успеваешь привыкнуть только к самым характерным. Квартира небольшая — комната да кухня, и она была уже полностью заставлена, когда я въехала сюда со своими двумя коробками. Больше вещей мне не нужно. Несколько книг и одежда на четыре сезона. Потому что кто знает?

Теперь уже точно никто.

Мне пятьдесят пять. А такое ощущение, будто только что родилась. Неуверенно ступая босыми ногами, пытаюсь научиться ходить. Все, что беспокоило меня раньше, пять дней тому назад стало совершенно неважным. На этой неделе я рассталась с мужем и уволилась с работы без предупреждения. Ни Кристер, ни мой начальник не очень-то хотели идти мне навстречу, но я первый раз в жизни настояла на своем, не обращая внимания на реакцию.

Они не знают того, что знаю я, и поэтому для их злобы я неуязвима.

С тех пор я живу как дикарка. Делаю все, что мне вздумается, и позавчера впервые в жизни напилась допьяна. Правда, здесь, в квартире, не на глазах у посторонних, но все же я была пьяна в стельку и уснула в одежде. Не помывшись и не намазав себя новым дорогим кремом. Не могу сказать, что этот опыт обогатил меня. Целый день был выброшен из-за похмелья, а я теперь не могу себе такого позволить. Зато я присмотрела ресторан за углом, он открывается в четыре, и в первые часы посетителей там немного. Думаю, буду заходить туда каждый вечер, чтобы выпить бокал-другой вина, пренебрегая мнением мужа, будто в одиночку в рестораны ходят только женщины легкого поведения. Кстати, этого я тоже никогда не пробовала, так что сейчас самое время.

Все, что я до сих пор отметала, обрушивается на меня как валуны при камнепаде.

Бессмертному легко оставить сделанное и несделанное позади.

Или, вернее, у него все впереди.

Смертному труднее.

Встаю я не сразу. Такая роскошь по-прежнему кажется мне непривычной, но с понедельника я уже больше не испытываю угрызений совести. Наблюдаю, как полоса света пробивается в узкий переулок, в котором я теперь живу. Солнце проникает в окошко лишь утром

ненадолго, а потом уходит блуждать по крышам Старого города, оставляя мою квартиру в тени. Но это неважно. Если я захочу увидеть солнце, пойду искать его на улицу. На этой неделе оно завело меня в такие места, где я раньше никогда не бывала. Хотя почти всю свою жизнь провела в Стокгольме.

Встаю и иду в ванную. По пути приходится огибать коробки и стопки книг, стоящие на полу; переехав сюда, я не стала трогать папины вещи.

Я с удивлением узнала об этой недвижимости, когда отец умер восемь лет назад, завещав мне ее в личную собственность. Квартирка с кухней притаилась на третьем этаже за неприметной входной дверью в переулке Йорана Хельсинге. По сведениям жилищного кооператива, отец приобрел ее в 1976 году. Догадываюсь зачем. И догадываюсь, почему оставил потом себе. Мне все понятно по книгам, теснящимся в переполненных книжных стеллажах: «Ботаника», «Флора Скандинавии», «Птицы полей, гор и вересковых пустошей». Мне все понятно по вещам из дома бабушки и дедушки — я помню, как мама просила отца их выбросить. Эта квартира была его отдушиной. Пристанищем, где хранились его мечты.

Я все думала: что мне делать с квартирой? Никто, кроме меня, не знал о ее существовании, я сберегла отцовскую тайну, не рассказав о ней ни мужу, ни дочери. Примерно раз в месяц я заходила сюда проверить, все ли в порядке, и ни к чему не притрагивалась, сохраняя

квартиру в качестве мавзолея семьи из моего детства. Все они ушли, кроме меня.

И обменяться воспоминаниями уже не с кем.

Возможно, где-то в глубине души я знала, что однажды квартира окажется моим спасением. Папино пристанище станет моим.

Кран над ванной подтекает. Немного, приблизительно две капли в минуту. Я подсчитала в один из вечеров, принимая ванну и наслаждаясь новой солью с эфирными маслами лаванды, лимона и розмарина. Водными процедурами я никогда особенно не увлекалась. Ванна в нашем таунхаусе в Тюресэ* с тех пор, как выросла Виктория, использовалась исключительно в качестве подставки для красивых бутылочек с маслами для купания, которыми ни у кого никогда не было повода воспользоваться. А на этой неделе я принимаю ванну каждый вечер, разрешив себе не задумываться о расходе воды. Если посчитать, сколько воды я потратила на прием ванны за всю мою жизнь, отрицательное воздействие на окружающую среду будет совсем незначительным. В том месте, куда падают капли воды, эмаль пожелтела. Я слегка потерла пятно чистящим средством, но оно не поддалось, и я оставила все как есть. Отсутствие необходимости беспокоиться дает ощущение свободы. Слишком большая часть моей жизни ушла на всяческие беспокойства.

* Ближний пригород Стокгольма, район массовой застройки 1960-х годов.

Теперь я знаю, что это время было потрачено зря.

Почистив зубы, я на секунду задерживаю взгляд на отражении в зеркале. В лице женщины средних лет угадывается преисполненный ожиданий подросток, которым я когда-то была, — узнаю все ту же неприкаянность. Но потом вижу лишь худощавую женщину, вечно зацикленную на своих недостатках. Изучаю морщинки вокруг рта. Две вертикальные черточки над переносицей. Они создают озабоченный вид даже сейчас, когда я наконец чувствую себя свободной. Рассматриваю шею, которую часто скрывала платками, — Кристер говорил, будто она выглядит старой.

Однажды я буду стоять здесь перед зеркалом и говорить себе, что на самом деле я довольно красива. Или, по крайней мере, найду в себе хоть что-то симпатичное. Это мой долг перед телом, столько лет выносившим мою ненависть.

Поэтому я задерживаюсь перед зеркалом каждое утро. Тренируюсь смотреть себе в глаза.

Глаза на удивление те же, что и раньше, но, кажется, видят они теперь все по-другому. Картинка обрела резкость, пропорции стали другими. Шкала цветов будто бы дополнилась новыми оттенками, и детали внезапно проступили четким узором.

С понедельника я смотрю на мир с внимательным любопытством, поскольку не уверена, увижу ли я все это вновь.

Иду на кухню и завариваю кофе. Я купила себе маленькую кофемашину, которая даже умеет взбивать молоко в пенку. Слушая, как что-то шипит в аппарате, чувствую, что иду в ногу со временем. Украдкой смакую кофе у окна — благодаря толстым стенам здесь можно сидеть в оконной нише. Особого вида тут нет, только фасад следующего дома в нескольких метрах; признаться, вечерами я выключаю свет и заглядываю в окна, сидя в темноте. Окна одной квартиры чаще зашторены, а во второй живет пара лет тридцати, которая, не скупясь, выставляет напоказ свою частную жизнь. Вероятно, они просто не заметили, что кто-то заселился в первый ряд партера. Кажется, у них все хорошо, они много разговаривают и вместе готовят, часто прикасаются друг к другу совершенно без всякой необходимости. Я успела всякое повидать, и их другая жизнь поражает меня. Мне не дает покоя вопрос: почему человеческие жизни так по-разному складываются?

Пока я потягиваю кофе, взгляд падает на мобильный телефон. Он был выключен с момента моего переезда сюда, и чем больше проходит времени, тем меньше мне его хочется включать. И не потому, что он так уж часто звонит, просто надо было несколько дней побыть в покое. К своему изумлению, я начала прислушиваться к собственным потребностям, отставив в сторону запросы других. Мое обычное «я», или, правильнее сказать, та, кем я была до понедельника, никогда бы себе этого не позволила. Она считала, что бытие даст трещину,

стоит только перестать все контролировать, но, судя по всему, жизнь продолжается. Возможно, Кристеру несладко в нашем таунхаусе, но какое мне дело? Самое удивительное, что меня это не беспокоит. Я больше не в состоянии волноваться. На самом деле я давно уже была не в состоянии, но, несмотря ни на что, продолжала.

Только сейчас я понимаю, что каждый из нас несет бремя своих тревог, но, застревая в чужих тревогах, мы понапрасну тратим силы.

Чтобы справиться с приближающимся будущим, силы будут нужны мне самой.

Последнее, что я сделала перед тем, как выключить телефон, — отправила эсэмэску дочери: «Привет, Виктория! Можем встретиться в пятницу в 18.00 в кафе «Табак» на площади Корнхамнсторг? Буду рада, если сможешь прийти. Всего доброго, мама».

Как долго я подбирала слова, прежде чем сформулировать сообщение. Особенно подпись. Будиль? Твоя мать? Мама? Я вдруг поняла, что не знаю, как Виктория меня называет. Дочь никогда не говорит о Кристере как о «папе», всегда называет его по имени. Мы так редко видимся, что я уже не знаю, как она к нему обращается.

Сегодня я увижусь с дочерью и от этого нервничаю. С тех пор, как она стала жить самостоятельно, мы встречаемся эпизодически и всегда по моей инициативе. На самом деле мы не знаем друг друга. И тут тоже все получилось совсем не так, как я хотела. Слишком много

других вопросов отнимали мое внимание в те годы, когда закладывались основы отношений, а мне не хватало ни мужества, ни ума, чтобы правильно расставить приоритеты. Я долго ощущала разочарование дочери. Иногда в ее взгляде я вижу отражение моей собственной ненависти к себе, и от этого становится невыносимо. Мне было проще не попадаться Виктории на глаза.

До сих пор.

Новый взгляд на мир открыл мне всю глубину утраченного. Пока не поздно, больше всего я хочу поближе ее узнать. И если не попросить прощения, то, по крайней мере, рассказать свою историю.

Объясниться.

Но как это сделать, если мне и самой-то толком непонятно?

А часы все тикают.

АНДРЕАС

Вторник, 6 марта 2012 года. Если бы время было зримым, в этот день ровно в 13.22 появилась бы жирная красная черта. Моя жизнь делится на «до» и «после». Возможно, начало случившемуся было положено намного раньше, но как бы я ни крутил, как бы ни анализировал все совпадения, мне непонятно, почему это произошло именно со мной. Почему я оказался там именно в тот момент. Вероятность была ничтожно мала. Я взвесил все «если» и «если бы не» и все равно не нашел объяснения. Поэтому я попытался перестать думать о случившемся, но забыл, как мыслил раньше. Сейчас мне кажется, что я вообще тогда не думал. Моя жизнь текла как по маслу, день за днем, все по плану. Отвезти детей в школу, потом — работа, покупки, готовка, футбол у Вильяма, гандбол у Майи, по выходным матчи, гости в субботу вечером. Обычные дни обычной недели. Их явное однообразие мы разбавляли горнолыжными поездками в Альпы, отпуском в Азии, обустройством новой ванной и кухни в нашем красивом особняке в стиле северный модерн.

Бывало, изредка повеет скукой, промелькнет тоска по чему-то грандиозному. Правда, я никогда не задумывался, что это может быть просто нечто, способное нарушить привычный порядок и вытащить меня из рутины.

Сейчас я хочу одного — вернуться в нее.

Первую неделю после случившегося я держался относительно хорошо. Продолжал жить, как раньше, четко придерживаясь заведенного порядка. Этот порядок и сейчас существует вокруг меня, я слышу, как моя семья завтракает этажом ниже, и хочу, чтобы, как прежде, все держалось на мне. Я знаю, что Òса надрывается, ей меня не хватает. Мы — слаженная команда, и быт наших насыщенных будней надо поддерживать в четыре руки.

С тех пор как я перестал спать, я больше не могу в нем участвовать.

Стулья скребут по деревянному полу на кухне, семья скоро уедет. Я слышу, как Òса поднимается по лестнице торопливыми шагами, переворачиваюсь на бок и закрываю глаза. В следующее мгновение дверь в спальню осторожно отворяется, жена присаживается на край кровати, и я чувствую, как ее рука касается моего лба.

— Спишь? — Проходит несколько секунд, прежде чем я делаю вид, что просыпаюсь. — Ты, кажется, не такой горячий сегодня, горло еще болит?

Поворачиваясь, я сглатываю и корчу подходящую гримасу, потом отвечаю: «Да».

— Тогда я позвоню в поликлинику. Ты болеешь уже неделю. Может быть, нужны антибиотики.

— Нет, давай подождем еще пару дней. Вроде, с горлом полегче сегодня, просто трудно понять, когда только что проснулся.

Она бросает взгляд на айфон, который держит в руке, кричит Вильяму, чтобы тот взял с собой форму для тренировки, и встает. Спешка сквозит в каждом ее слове и движении.

— Шторы поднять?

— Нет, я еще чуть-чуть посплю.

— Как думаешь, сможешь отвезти мальчиков на футбол к пяти? Сегодня наша очередь.

— Не уверен.

Она скрывает вздох разочарования, но я чувствую его.

— Я спрошу родителей Лукаса. На ужин придется заказать еду навынос, потому что за продуктами я тоже не успею, куплю только что-нибудь вкусненькое в честь пятницы по дороге домой. У нас срок сдачи по рекламной кампании, а клиенту не нравится дизайн. Не знаю, сколько продлится встреча.

— Ладно.

Она опять смотрит на часы и, направляясь к двери, гладит меня по ноге, накрытой одеялом. — Я позвоню тебе днем. Поправляйся. Целую.

Спустя несколько минут хлопает входная дверь и слышно, как заводится «Ауди». Я различаю на слух

звуки моторов наших автомобилей. Гравий скрипит под колесами, когда машина выезжает задним ходом за ворота, и звук мотора постепенно затихает. В доме тихо. Я лежу и гляжу в потолок, подложив руки под голову.

Еще один ненормальный день. Я уже неделю провожу время в постели. В нормальный день я сел бы за руль той самой машины, которая везет сейчас детей в школу, припарковался бы у станции Сальтшё-Дувнес* и сел на электричку до Слюссена, а потом на метро доехал бы до Родмансгатан**. В половине девятого я зашел бы в офис, где, помимо меня, рабочие места снимают еще семь архитекторов, заварил бы кофе и, перекинувшись парой слов с коллегами, принялся за работу, не разбрасываясь драгоценным временем. Его часто не хватает, графики детей держат нас в тисках, а мы с Òсой по возможности делим все поровну.

Делили.

Моя жена — высокооплачиваемый руководитель проектов в рекламном бюро. Она обычно работает больше, чем я. До рождения Майи вся наша жизнь крутилась вокруг карьеры, мы работали допоздна и ужинали чаще в ресторанах, чем дома. Меня считали успешным представителем нового поколения архитекторов, я получил несколько премий и работал со многими престижными проектами. Внезапно оказалось, что я — уже

---

* Фешенебельный пригород Стокгольма, район индивидуальной коттеджной застройки.

** Станция метро в центральной части Стокгольма.

состоявшийся архитектор. Годы шли своей чередой, а мы все работали. Заказы менялись, но время текло обескураживающе однообразно. Нам было немного за тридцать, когда пришло ощущение, что чего-то не хватает. В разговорах все чаще стала возникать тема перемен. Я помню смутное стремление к чему-то бóльшему, к трудностям, которые дадут возможность развиваться по-новому. Такие же настроения наблюдались у наших друзей одного с нами возраста. Возможно, в клетках отозвался древний инстинкт, объяснивший, что пришла пора размножаться. Да, наверное, так оно и было, потому что год спустя у каждой пары, что сидели за столом на наших вечеринках, которые мы раньше так тщательно готовили, родилось по младенцу.

Отпуск по уходу за детьми мы с Òсой поделили. Когда подошел детсадовский возраст, я решил уйти из архитектурного бюро и стал работать самостоятельно. Так было проще — я сам распоряжался своим временем и, когда дети болели, мог работать из дома. Òсе отсутствовать на рабочем месте сложнее. Надо мной стоят только заказчики, которые нуждаются в моих услугах, а мне необходимо, чтобы они хорошо платили. До недавнего времени востребованность была важным фактором моей жизни.

Полагаю, я ощущал свою значимость.

Теперь же, когда я думаю об отчаянно требующем внимания проекте отеля в моем компьютере, я ощущаю только тяжесть в груди. Чертежи уже почти готовы, но,

когда я смотрю на них, кажется, будто их сделал кто-то другой. Я уже не вижу концепции. Ее не различить за всеми этими странными штрихами и расчетами.

Выдуманный грипп — мое убежище. Я знаю, что мне надо взять себя в руки — мобильный разрывается от сообщений, да и Òса в скором времени заставит меня пойти к врачу.

Встаю и подхожу к окну, что уже достижение. Прислоняюсь лбом к холодному стеклу. Земля в саду отдыхает под паром. Снег стаял почти полностью. Снегокат застрял на газоне. Ветер собрал прошлогодние листья в темные кучки, напоминающие нарывы на плоской лужайке. Забытый футбольный мяч возвышается из единственного сугроба, оставшегося в тени гаража.

Надо бы сгрести листья на выходных. Подстричь кусты и сжечь лишние прутья. Заняться чем-нибудь совсем обычным.

Но только я безумно устал.

Сегодня ночью я проспал всего час или два. Ни разу не повернулся спиной к двери. Лежал, не отрывая глаз от циферблата будильника, а каждый раз, погружаясь в дремоту, вздрагивал и просыпался.

Я не смею заснуть.

Потому что вижу их во сне.

Глаза.

ВИКТОРИЯ

Профиль в Фейсбуке
Имя: Виктория Бергстрём
Место работы: Финансовая инспекция
Образование: Юридический факультет Стокгольмского университета
Район проживания: Станция метро Йердет, Стокгольм
День рождения: 23 апреля 1982 года
Статус: не замужем

Исходя из факторов, которые высоко ценятся в Стокгольме, меня можно считать очень счастливым человеком. Пожалуй, за исключением того, что я не замужем. В остальном я шла дистанцию по прямой, отмечаясь на всех важных контрольных пунктах. Тот, кому, вопреки ожиданиям, придет в голову полистать мои гимназические или университетские курсовые, сочинения, контрольные и экзаменационные работы, обнаружит, что все они были удостоены высшего балла. Я сохранила их в коробке на чердаке, принадлежащем жилищному

кооперативу. Жильцы хранят там не самые ценные вещи, с которыми они не могут расстаться, хотя они им и не нужны. Когда я видела эту коробку последний раз, кто-то вывел на пыльной крышке слово из трех букв. Вероятно, это знак. Во всяком случае, это случилось на том же этапе, когда мой перфекционизм начал выходить из-под контроля.

Я не могу назвать точный момент, когда это произошло. Помню только нарастающую тревогу. На первых порах на нее можно было не обращать внимания, но постепенно она захватывала все больше места. Конечно, не до такой степени, чтобы это заметили на работе, — там я, как всегда, безупречна — но напряжение начинает истощать мои силы. Масштабы происходящего мне трудно объяснить. Но где-то в глубине души я понимаю, насколько нелепо себя веду.

Раньше я легко бралась за множество дел. Так называемая высокая многозадачность. Сейчас я с трудом успеваю выполнить базовый минимум. Прихожу на работу как обычно. Думаю, сегодня все будет по-другому, но очень скоро начинаю метаться между делами. Когда рабочее время подходит к концу, ничего, оказывается, не сделано, и я остаюсь еще на несколько часов. Потом продолжаю работать дома, часто засиживаюсь за полночь, но никогда не бываю довольной плодами своего труда. Я больше уже не могу определить, когда дело завершено и новые изменения не улучшают результата. Меня все не устраивает. Я подвергаю сомнению

свои формулировки и выводы, нахожу новые критерии и нормативные акты, которые необходимо перепроверить. К этому времени разум перестает работать. Сердце учащенно бьется, а документ превращается в необозримое нагромождение фактов и доводов. Я оказываюсь дальше от решения задачи, чем в начале пути. И тогда в моем воображении возникает грозный образ начальницы, я представляю себе ее разочарование, хотя до сих пор ни разу не вызывала ее недовольства. Но как я могу разочаровать ее? Я никогда не работала спустя рукава. Напротив, меня часто хвалили. Однако похвала утешает лишь ненадолго. Скоро она превратится в новую планку, которую я любой ценой должна взять.

Я теряю контроль. То, что составляет мою сущность, медленно вытекает из меня. И я не знаю, где течь.

Поэтому сейчас я уже во второй раз иду, как на Голгофу, к Турбьёрну. Я вряд ли напишу об этом в своем статусе в Фейсбуке. Отнюдь нет, я бреду сквозь собственные предрассудки, и каждый шаг требует преодоления себя.

По моим представлениям, к сеансам психотерапии прибегают либо по принуждению врача, либо вследствие судебного решения. У меня всегда вызывали подозрения те, кто ищет помощь по собственной инициативе, словно это доказывает невротический склад личности. Слабохарактерность. Даже Ильва, моя чрезвычайно компетентная и, казалось бы, здраво рассуждающая коллега, не смогла убедить меня в обратном. Вот

уже год, как она кичится новообретенными знаниями о себе, рассказывая направо и налево обо всем, что она осознала благодаря терапии, и как это помогло ей изменить свое поведение, а заодно и жизнь к лучшему. Хотя я настроена скептически. Есть в этом во всем что-то неприятное. Прийти к совершенно чужому человеку и начать вытряхивать перед ним грязное белье своих проблем. Но однажды, сидя в три часа ночи над все еще не распутанным клубком идей, я подумала, что если психотерапевт способен убрать мои тревоги, может быть, я и схожу к нему пару раз. Уж лучше так, чем потерять работу.

Поэтому я спросила Ильву, конечно, на условиях конфиденциальности. Подробностями не делилась. Наплела ей что-то про сердцебиения и день спустя получила визитку Турбьёрна. Это было в начале декабря. Как раз позвонила мама и спросила про Рождество. Я, как обычно, притворно виноватым голосом сказала, что в этом году, к сожалению, тоже уеду. «В Таиланд», — соврала я, хотя на самом деле собиралась провести все праздники дома и отоспаться. Мама никогда не настаивает, она пожелала мне счастливого пути почти что с облегчением. Задача выполнена — ежегодное приглашение озвучено. Словно по молчаливому согласию, мы решаем не принуждать друг друга к времяпровождению в семейном кругу. Мне следовало бы испытывать благодарность, но почему-то грустно от того, что мама так легко сдалась.

Несколько недель я проносила визитку Турбьёрна в бумажнике. В первый день нового года — в этот омерзительный день, который с каждым годом вызывает у меня все бóльшее ощущение неудовлетворенности — я выложила карточку на кухонный стол и вечерами стала брать ее в руки, словно примериваясь.

Так прошло еще несколько месяцев.

Оставив позади последнее сомнение, я нажимаю на кнопку вызова в домофоне. Приемная располагается на нижнем этаже обычного жилого дома; услышав жужжание в дверном замке, я захожу и сажусь в комнате ожидания. Перед кабинетом небольшой холл, над дверью горит красная лампочка. Идет препарирование. Благодаря наличию холла мы, психи, не пересекаемся, когда один выходит, а другой заходит в кабинет. За это я со своей стороны признательна, хотя мне немного любопытно, какие у него еще есть клиенты. Кто они и зачем сюда приходят. Есть ли у него любимчики? Наверное, да, ведь кто-то же должен быть интереснее других. От этой мысли сердце начинает биться быстрее.

Я вспоминаю мой прошлый визит. Когда я зашла в кабинет, Турбьёрн поздоровался со мной за руку. Рукопожатие было твердым, как и его взгляд; когда мы присели, он четко обозначил, что мы должны встретиться три раза, потом оценить достигнутое и совместно принять решение, хотим ли мы продолжать. Получится ли у нас, по мнению обоих, взаимодействовать.

Карин Альвтеген

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

БУДИЛЬ 11
АНДРЕАС 19
ВИКТОРИЯ 25
БУДИЛЬ 32
АНДРЕАС 46
БУДИЛЬ 64
ВИКТОРИЯ 91
БУДИЛЬ 106
АНДРЕАС 129
БУДИЛЬ 149
ВИКТОРИЯ 165
БУДИЛЬ 177
АНДРЕАС 202
БУДИЛЬ 230
ВИКТОРИЯ 263
БУДИЛЬ 274
АНДРЕАС 293
БУДИЛЬ 298
ВИКТОРИЯ 304
АНДРЕАС 318
БУДИЛЬ 327

Читайте книги ИД «Городец»

Фруде Гранхус
«Водоворот»

Недалеко от города Будё в Северной Норвегии происходит нечто странное: на берегу появляются старинные фарфоровые куклы, прикрепленные к деревянным плотам, а затем — избитая девушка без сознания, одетая как одна из кукол. В это же время мальчишки находят на побережье человека, погруженного в ледяную воду, чьи руки прикованы к камню, а затем появляется еще одна жертва неизвестного преступника. За расследование берется полицейский Рино Карлсен, которому придется распутать целую цепочку страшных преступлений.

Роман Ф. Гранхуса — яркий пример скандинавского детектива, где сюжет до последней страницы оставляет читателя в напряжении и не дает отложить книгу. Это история о том, как любовь превращается в одержимость, которая не знает пределов и моральных принципов, стирает границу между добром и злом и сводит с ума.

Интернет-магазин gorodets.ru

Читайте книги ИД «Городец»

Режис Жоффре
«Что такое любовь и другие микроновеллы»

Этот сборник из почти четырех десятков коротких новелл — своего рода тематическая выборка из огромного, на тысячу страниц, тома под названием «Микроновеллы». Острым, как скальпель хирурга, пером автор препарирует супружескую и семейную жизнь, обнажая целую гамму человеческих чувств, от самых нежных до карикатурно жестоких. Он «по косточкам» разбирает, что такое любовь и связанные с ней надежды и разочарования. Каждая микроновелла — это не просто зарисовка, но полноценный рассказ об истории любви, которая может наполнить жизнь новым смыслом, а может и разрушить ее до основания. В череде колоритных, не похожих друг на друга, но удивительно достоверных персонажей читатель наверняка встретит знакомые типажи, выписанные с поразительной психологической точностью — и не без толики черного юмора.

Интернет-магазин gorodets.ru

СКАНДИНАВСКАЯ ЛИНИЯ

Литературно-художественное издание

Карин Альвтеген

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

Роман

Куратор серии Е. Дорофеева
Переводчик Е. Крестовская
Редактор О. Костанда
Выпускающий редактор Б. Геласимов
Корректоры С. Фунтусова, Е. Полукеева
Художественное оформление серии И. Викторова
Компьютерная верстка Е. Климентьевой
Обложка О. Викторовой

Подписано в печать 29.01.2021. Формат 84×108/32
Печ. л. 10,5. Гарнитура Stix Two.
Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «Издательский дом „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1
www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru,
тел.: +7 (985) 800 0366
Интернет-магазин www.gorodets.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».
Филиал «Чеховский Печатный Двор».
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, тел.: +7 (499) 270 7359

16+

Карин Альвтеген (р. 1965) — известная шведская писательница, мастер жанра детектива и психологического триллера, лауреат многочисленных литературных премий, в том числе премии «Стеклянный ключ» за лучший криминальный роман Скандинавии. На русский язык были переведены четыре из семи ее романов: «Утрата», «Предательство», «Стыд» и «Тень».

По непонятным причинам легковой автомобиль врезается в поезд дальнего следования. В аварии погибают одиннадцать человек. Но что предшествовало катастрофе? Можно ли с точностью определить, с чего все началось? Виноват ли кто-то еще, кроме водителя? Углубляясь в прошлое, мы видим, как случайности неумолимо сплетаются в бесконечную сеть, создавая настоящее.

Роман «Эффект бабочки», написанный за рамками детективного жанра, рассказывает о том, как наши поступки влияют на ход событий далеко за пределами нашей собственной жизни. Эта книга о борьбе свободной воли против силы детских травм, об одиночестве и поиске смыслов, о нежелании мириться с действительностью и о том, что рано или поздно со всеми жизненными тревогами нам придется расстаться...

www.gorodets.ru
ISBN: 978-5-907220-99-7
9 785907 220997
Brombergs
25 лет издательскому дому
ГОРОДЕЦ